

Грузия – любовь моя

Дусавицкий А.К.

Начало 70-х годов XX века было исключительно плодотворным для отечественной психологии. В основных центрах психологической науки – в Москве, Ленинграде, Киеве, Тбилиси проходили конференции и симпозиумы, ожидался рывок в массовую психологическую практику.

Особенно интересными были встречи корифеев психологической науки – авторов теории деятельности и теории установки – в Грузии. Мне посчастливилось присутствовать на Всесоюзном психологическом съезде в 1971 году и на последующих конференциях, посвященных психологии социогенных потребностей и усовершенствованию учебно-воспитательного процессов в школе, весной и осенью 1974 года в Тбилиси.

Я бывал в Грузии еще в студенческие годы и в молодости: туризм и альпинистские тропы привлекали юношество со всего Союза. В памяти остались красоты Рокского перевала, Южной и Северной Осетии, морские причалы в Гаграх и Сухуми. Но, по-настоящему я оценил грузинскую ментальность в дни встреч с грузинскими психологами.

В Харькове в те годы активно возрождались идеи известной психологической школы, и поэтому на съезде и конференциях присутствовали харьковские психологи – Г.К. Серeda, В.В. Репкин, Г.В. Репкина и др. Кратко остановлюсь на наиболее интересных моментах, которые мне запомнились. Свой доклад на Всесоюзном съезде психологов А.Н. Леонтьев посвятил категории деятельности в советской психологии. По его мнению, задача психологии – изучение конкретных видов деятельности, особенности их структуры, механизмов и характеристик, которые приобретают в деятельности личностный субъективный смысл. Важно изучать новые виды деятельности и связи между ними. А.Н. Леонтьев считал, что психологическим исследованиям деятельности положено лишь начало. Ближайшие задачи: психологический анализ деятельности должен охватить всю реальности психики. Важно рассматривать проблемы деятельности в связи с установкой. Оба понятия теоретически сближаются в двух кардинальных пунктах: преодоление постулата непосредственности, на котором настаивает бихевиоризм, и включение понятия о трансформации первичных потребностей в результате их опредмечивания (объективации). Деятельностный человек приносит приставку «от себя», он переходит за грань наличной ситуации. Этот переход, самодвижение – важнейшая проблема.

А.Н. Леонтьев задал широкое пространство для дискуссии в котором принимали участие многие известные психологи: А. Прангишвили, В. Давыдов, Г. Андреева, А. Запорожец и другие. Но мне хотелось подробнее остановиться на конференции, посвященной усовершенствованию учебно воспитательного процесса начальных классов школы, инициированной замечательным грузинским психологом и педагогом Ш. Амонашвили.

В те годы уже много было говорено о впечатляющих результатах генетико-моделирующего эксперимента по формированию учебной деятельности, который осуществлялся в лабораториях Харьковского университета и пединститута. Внимание педагогической общественности страны привлек документальный телевизионный фильм « $2X2=X$ », рассказывавший о результатах уникального эксперимента по обучению младших школьников теоретическим знаниям. Перед конференцией в Харьков приехала группа грузинских журналистов для интервью с авторами эксперимента.

В.В. Давыдов свой доклад посвятил проблеме развития обобщения у детей. Начальная школа, по его мнению, призвана воспитывать высокий уровень интеллектуальной деятельности у школьников, позволяющий им в дальнейшем самостоятельно учиться в средних и старших классах. Традиционная школа эти задачи никогда не ставила. Имеется много видов умственной активности, поэтому надо понять какие формы умственной активности являются продуктивными, основными, а какие производными. В трудах Л. Рубинштейнв, Ж. Пиаже общей тип умственной активности определялся видом и характером степени обобщения учебного материала. Это сердцевина мыслительной деятельности человека.

В докладе В. Давыдова подробно рассматривались характерные черты эмпирического и теоретического типов обобщения и сформулировалась гипотеза, что уже в начальных классах необходимо не давать готовые знания, а осваивать их в процессе происхождения понятий.

В выступлениях В.В. Репкина и автора этих строк содержалась характеристика результатов генетико-моделирующего эксперимента по формированию теоретического мышления и учебно-познавательных интересов детей.

Доклад грузинского психолога А. Алказишвили был посвящен проблеме мотивационной основы учения младших школьников. Рассматривались две формы поведения: регулирующее, обеспечивающее создание равновесия между организмом и средой (то есть адаптация) и формирующее, направленное на познание нового. В современной школе эти мотивы не формируются. Важен вопрос об оценке учебной деятельности. Все зависит от того, как используют оценку: для адаптивного или формирующего поведения. Ребенок

останавливает свою деятельность после выяснения оценки, если он не направлен на задачу. Но если он решает задачу ради задачи, оценка информирует его об успешности. Решение задачи не вызывает прекращения его деятельности, а наоборот стимулирует.

Г.П. Щедровицкий обозначил узловым пунктом дискуссии: противопоставления эмпирического и теоретического способов обобщения и тех программ, которые предложены Давыдовым и Занковым. Вопрос: целесообразно ли сравнивать друг с другом эти две концепции начального обучения? Сегодня Зверева сформулировала ряд принципов, которые по ее мнению оправдывают концепцию Занкова. Важным соображением является легкость программы и методы воплощения в практику сегодняшней школы. Но если ее легко реализовать, тем хуже для этой программы.

Большое впечатление на участников конференции произвело выступление Г. К. Середы. «У меня есть внутренний критерий позволяющий ответить на вопрос «кто есть кто?» - сказал Г.К. Середа. «Если человек говорит, что он признает наличие перемен, но при этом не надо забывать о детях, или нужно реализовать принцип научности, но не забывать и о принципе доступности, я считаю, что он адепт старой системы обучения... В традиционной дидактике принципы научности и доступности враждуют между собой. Этот парадокс доживает последние годы». Проблема доступности, по мнению Г. Середы, не проблема возраста, а проблема общества. Она стоит не перед ребенком, а перед нами. У ребенка механическое запоминание – это самозащита от того метода, который мы ему навязываем. Никогда не существовало механической памяти как возрастной. Память также творится как и другие психические процессы.

Подводя итог дискуссии, В. Давыдов предложил гипотезу: в ближайшем будущем основная задача начальной системы обучения – формирование полноценной учебной деятельности у учащихся. Для последующего полноценного обучения в средней школе. Начальное обучение должно формировать теоретическое отношение к действительности у ребенка. Только на развитом теоретическом мышлении можно построить фундамент системы образования.

Материалы конференции были изданы в двух томах, они и сегодня представляют большой интерес при решении проблем обучения и воспитания младших школьников.

Исключительный интерес вызвала международная конференция «Проблемы формирования социогенных потребностей». В 70-е годы в стране шли активные процессы пересмотра устоявшихся представлений о воспитании личности.

На конференцию приехали известные психологи из разных стран: Н. Обуховский (Польша), Й. Лингардт (Чехословакия), М. Ферверг (Германия) и другие.

Доклад А. Прангшвили был посвящен проблеме связи потребностей, мотивов и установки. Каково взаимоотношение между понятиями мотива и установки? Некоторые считают, что мотив – энергетическое начало деятельности, а установка – направляющая деятельность, целостное состояние. То есть момент побуждения плюс момент направленности. Это неверно. Установка – единство энергетических и регулирующих начал. Из понятия мотива нельзя вывести личность. Л. Божович вводит понятие направленности - ведущей мотивации как центральное понятие психологии личности. Определенная потребности и есть установка.

Б. Додонов посвятил свое выступление проблеме интереса – одному из наиболее загадочных психологических феноменов. Существует много толкований интереса: направленность внимания (Теплов), осознанная потребность (Спиркин), познавательный аспект потребности. А. Ананьев считал, что интерес – миф. Почему веер мнений? К анализу одного явления подходят с разных сторон. Интерес – сложный, текучий, многогранный предмет. Надо взять за основу анализа не интерес переживания, а в его наиболее развитой форме – как свойство личности.

В ряде выступлений рассматривались попытки описать структуру личности. Г. Розен считал, малопродуктивным подход объединения черт (свойств) личности в такие образования как темперамент, характер, способности и так далее. Личность - предмет роста, развития. Воздействия на индивида извне кажутся случайными. Но вдруг - критическая точка: они объединяются в единый сплав. Возникает ядро личности – переживание «Я» (ядро развивается, преобразуется). Но наряду с ядром существуют и внешние, переходящие элементы личности (например, социальные роли). В ядре несколько направляющих механизмов: потребности, ценностные ориентации и комплекс явлений связанных с отношением к себе (самосознание, самооценка, уровень притязаний и т.д.). Но это не вся личность. Можно ее рассматривать под разными углами, но в развитии.

В. Сафин в своем докладе «Структура личности и проблема потребностей» предлагал изучать личность как целостность через ее самооценку. По его мнению, именно самооценка – ядро личности. Вопрос – устойчивости самооценки. Для ее сохранения необходима компенсаторная деятельность – оценка одних свойств за счет других значимых свойств. Сафин приводил примеры динамики самооценки личности в разных системах и возрастных группах.

На конференции выступали не только психологи, но и представители других научных

школ. Академик Г. Чавчавадзе (институт кибернетики) считает, что нет ответа на вопрос: откуда берутся потребности, чем отличается потребность от синдрома потребности. Если это синдром — чем он предопределен. Надо знать генезис, какова начальная гамма, начальные элементы, переплетение которых дает все богатство потребностей. Незримо присутствует идея гомункулуса, когда мы говорим об изначальном алфавите. Потребности надо дать не психологический, а физиологический смысл. Полемизируя с Г. Чавчавадзе, Ю. Соколовский утверждал, что попытки объяснить все психические процессы математическими методами, кибернетикой непродуктивны. Физиология — материал, позволяющий проявиться психологическим механизмам. Но физиология — не производительная сила, на которой вырастают психологические отношения. «Когда мне говорят о мозге как источнике активности, я настораживаюсь. Все человеческое находится вне человека и усваивается им. Я сторонник Выготского».

Выдающийся физиолог и кибернетик Н. Амосов назвал свой доклад: «Моделирование личности и общества». «Я дилетант, но мое преимущество — не принадлежность к епархии, поэтому я могу высказываться более свободно» — начал свое выступление Н. Амосов. Что может кибернетика дать психологии? Пока — статистику. Но она может дать больше, потому что кибернетика получила возможность овладеть сложностью: учитывать много переменных. Любая модель сложной системы субъективна, так как всякое упрощение субъективно. Мир в сложном положении (если судить не по средствам массовой информации). Пользуясь известными (существующими) потребностями мы пустим мир по ветру. Человек не может охватить все, а машина может. Поэтому спасение человека без действующих моделей не возможно. Модели могут дать материал доказательства. Дело продвигается плохо, потому что за дело взялись кибернетики. Но машина — модель клетки, организм она не может создать. Необходимо содружество: математиков и специалистов, которые выдают гипотезы. Философы зажаты в такие рамки, что ничего не могут себе позволить. Психология, которая пришла от философии — не настоящая. Потому что она потеряла естественно-научный объект. Я — за философию. Общие законы необходимы. Но когда с позиции общественных законов толкуют частные законы — ничего не получается. Модельный подход делает все что нужно. Необходимо коллективное творчество: отдельные специалисты создают куски модели. Изучение человека и общества неотделимо друг от друга. Не с вымышленным ли человеком мы работаем под влиянием философии? Разве человек настолько воспитуем, — задает вопрос Н. Амосов, — что стоит создать общество и сразу с ним можно будет делать, что хочешь? Разве возможно это экспериментально подтвердить? Я тоже уверен, что человек воспитуем, но нет учения о степени воспитуемости человека. Размеры статьи не позволяют привести соображения Н.Амосова о способах самоорганизации общества с помощью обобщенных моделей. Но очевидно, что его суждения еще более актуальны в сегодняшнем глобализированном мире.

Участие в таких конференциях, которые проводили в Тбилиси, серьезная научная школа, позволяющая видеть пространство развития отечественной и мировой психологии, оценить роль грузинской психологии в этом процессе. Но наиболее яркие впечатления от встреч с грузинскими психологами у меня остались от поездки в Тбилиси в 1972 году, когда в харьковских исследованиях потребностной основы учебной деятельности возникла необходимость поиска новых диагностических методов оценки ее формирования. Я уже знал, что у грузинских психологов был очень интересный опыт использования новых, особенно зарубежных, методов диагностики развития личности.

Автор книги «Типы характера и фиксированная установка» В. Норакидзе познакомил меня с материалами психологических исследований личности, которые еще не были опубликованы, подарил несколько известных зарубежных тестов, дефицитных в то время.

Н. Имедадзе и А. Алхазивили передали Харьковскому университету модифицированный тест французских психологов Дорки и Амен по изучению тревожности, которая рассматривалась ими как мотив деятельности. Впоследствии этот тест был широко использован мной при исследованиях развития личности в учебной деятельности.

Но самым неожиданным и удивительным было мое знакомство с неопубликованной ранее оригинальной педагогической системой Д. Узнадзе, созданной в первой половине XX века.

Д. Узнадзе писал свои статьи на немецком и грузинском языках, но даже в опубликованных в 2000 году, в переводе на русский Н. Имидадзе и И. Имидадзе, фрагментах его педагогического творчества вырисовывается впечатляющая картина психолого-педагогической системы, имеющей значение в наше время.

Единой философско-психологической основой педагогической концепции Д. Узнадзе была идея целостной и активной личности как субъекта воспитания. Воспитание, по Д. Узнадзе, как стремление к идеальному, как целостный процесс формирования своей жизни и жизни другого, есть предмет педагогики. Воспитание не достигает цели, если педагог не понимает природу ребенка. Поэтому педагогика основывается на постижении педагогической сущности воспитуемого. Д. Узнадзе считал, что это возможно при обращении психологии к

естественнонаучным методам исследования, психологии развития.

Социальная природа цели воспитания приводит Д. Узнадзе к характеристике важнейшего противоречия воспитательного процесса, которое он называет основной трагедией воспитания. Пропась между устремлениями воспитателя и воспитуемого возникает, потому что воспитатель считает, что руководствуется будущим благом ребенка, не прислушиваясь к его желаниям, не учитывает индивидуальных особенностей.

Единый путь преодоления этого противоречия – глубокое изучение богатства, заключенного в душе ребенка, этапов его естественного развития. «Главное зло школы», по Д. Узнадзе – превращение ее в фабрику, обезличивание, унификации. Школа – фильтр индивидуальности, фабрика подготовки под шаблон «мифического» среднего ученика.

Д. Узнадзе считал принципиально неверным построение воспитания в школе, как набора так называемых предметов, необходимых ученику. Д. Узнадзе считал бессмысленным бесконечную дискуссию о важности того или иного предмета. Одинаковое значение имеет любой предмет, если он развивает ребенка. Д. Узнадзе утверждал, что спор, о так называемых, школьных стандартах, предусматривающих минимум знаний – мнимый спор. Школе нужен стандарт, как современная особая форма деятельности, обеспечивающей развитие способностей ребенка, а не стандарты суммы знаний. Будущее педагогики, по Д. Узнадзе, за деятельностным и личностным подходом к пониманию стандартов образования. Какие нормы деятельности надо конструировать, чтобы у ребенка родилась целостная картина мира.

Думаю, что даже эти фрагменты из педагогической концепции Д. Узнадзе можно использовать как своеобразный эпиграф ко всем дискуссиям о различиях образования.

Надеюсь, что грузинские коллеги переведут на русский язык основные педагогические работы Д. Узнадзе: «Основная трагедия воспитания», «Введение в экспериментальную педагогику», «Педагогическое образование родителей», «Психология и педагогика», его основной труд – «Психология ребенка. Полная картина динамики развития от рождения до старшего школьного возраста».

Очевидно, что знакомство с наследием великого философа, педагога, психолога еще впереди.

В завершении моих заметок не могу не сказать о встрече с грузинским философом З. Какабадзе, автором замечательной книги «Человек как философская проблема». Экскурсии и поездки в горы, в монастырь «Шиом-Гвини» в Кахетию, родину замечательных грузинских вин, навсегда останутся в моей памяти.

Впечатления о Грузии, ее добрых и умных людях я попытался отразить в стихотворном цикле «Грузинские миниатюры». Выдержками из этого цикла я хочу завершить свою статью.

Вечерний Тбилиси.

У фонтана играли дети.
А на каменных плитах
Нагретых за день
Сидели грузинки.
Мимо текла толпа.
У фонтана играли дети
А в бронзовых пальцах
Мыслителя – горела свеча
И пламя ее касалось
Зеленой листвы.
Здесь быстро темнеет,
И матери к теплым постелям
Уводили сонных детей,
Был вечер.
Почернела листва.
Остывали плиты из камня.
Перестал бить фонтан.
А в руках у Мыслителя
Все горела свеча...

Философ
Мы сидим у камина -
я и философ.
Я пришел к нему за советом,
Но он почему-то молчит.
И вот говорить приходится мне:
Сначала о цели визита,
Потом, чтоб заполнить паузу,
А он все медлит и медлит.

Я пришел к нему за советом,
А он почему-то молчит.
Разве это философ?
Я читал его книгу:
Слова били в набат.
Я читал ее в самолете,
Земля темнела внизу.
А мне хотелось бежать.
И вот мы в креслах
Друг против друга
Он молод и сед
И спокойны живые глаза.
Я пришел к нему за советом,
Но говорю почему-то Я.
Он только кивает слегка.
И я ухожу
Тонкую руку пожав.
Почему же так много он дал мне?
Я иду по темной земле,
Небо летит над горами,
И хочется мне бежать!

При мне говорили по-грузински,
Меня это не смущало.
При мне говорили обо мне –
Я просто стоял и слушал.
Я видел их лица: проникающий в душу свет.

Психология.
Вот человек...
Мы никогда раньше не виделись.
Он протянул мне руку
И у меня возникло
По отношению к нему
Фиксированная установка –
Я полюбил его.
Разве так может быть?
Мой совет:
Приезжайте в Грузию
С открытым сердцем
Приезжайте!

Тбилиси – Харьков, октябрь 1972 г.